

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://solzhenitsynalexander.ru/> приятного чтения!

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын

1

Четвёртый день, как мы вдвинулись в прорыв на Неручи. Прошлые сутки моя центральная стояла в трубе под железнодорожным полотном, там крепкая кладка, хороша от бомбёжки. Ещё и крестьянских баб с детворой там набилось до нас, да два десятка откуда-то взявшихся цыганок и цыган угнездились, – странно было после нашего двухмесячного стоянья в гражданском безлюдьи. А этой ночью в 3 часа дали моей батарее отбой: продвинуться. Пока свернули все посты – уже и свет. И, ещё до самолётного времени, перекатили в Желябугские Выселки.

Это называется – перекатили. Звукобатарее по штату шесть специально оборудованных автобусов, у нас же – драные трёхтонка и полуторка. Они везут только боевое и хозяйственное, да при том нескольких сопровождающих, остальная батарея нагоняет пешим ходом. Её ведёт обычно лейтенант Овсянников, командир линейного взвода, а командир измерительно-вычислительного Ботнев, как и я, – гоним, в кабинах, выбирать центральную станцию.

Это – захватный момент: весь боевой порядок определяется выбором центральной станции. Чем мгновеннее выбрать её – тем быстрее и безопаснее развернёмся. Но и выбрать – безошибочно, она – сердце батареи; осколок в сердце – и всей батарее как нет. Вкопать и брезентом перекрыть – в поле ржаном и так бывало, но это – с горя и накоротке.

Я четвёртые сутки обожён и взбаламучен, не улегается. Всё, всё радостно. Наше общее большое движение и рядом с Курской дугой – великанские шаги.

И какое острое чувство к здешним местам и здешним названиям! Ещё и не бывав здесь – сколько раз мы уже тут были, сколько целей пристреливали из-за Неручи, как выедали из карты глазами, впечатывали в сетчатку – каждую тут рожицу, овражек, переходок, ручеек Берёзовец, деревню Сетуху (стояли в ней позавчера), Благодатное (сейчас минуем слева, уже не увидим) и Желябугу, и, вот, Желябугские Выселки. И в каждой деревеньке заранее знали расположение домов.

Так, правильно: Выселки на пологом склоне к ручейку Паниковец. И мы – уже тут, докачались по ухабистому съезду с проезжей дороги. Пока самолётов нет стали открыто. И – ребятам в кузова:

– Дугин! Петрыкин! Кропачёв! Разбегайся, ищи, может где подвал.

И – прыгают горохом на землю, разбежались искать. В Выселках уже кой-кто есть: там, здесь грузовики, вкопанные передами, наклоном, в апарели. Миномёты (уезжают вперёд). Дивизионные пушки – правее, на той стороне лошинки. А я пока – по карте, по карте: куда пускать посты. Перед нами на запад – Моховое, оно крупное; у немцев до него ещё на той неделе доходили и поезда, разгружались. Моховое – будут держать, тут, наверно, постоим.

Приблизительно намечаю посты. (Точно выберет только Овсянников.) Они по фронту должны занимать километров пять (по уставу даже и до семи, но мы устав давно поправили, никогда шесть постов не разворачиваем, лишнее, а по нужде-спешке так и четыре; сейчас – пять). А впереди постов нужно найти место нашему наблюдателю – посту-предупредителю. Он должен стоять так (частенько в окопах пехоты), чтобы каждый звук от противника слышал раньше любого из крайних постов и – по выбору своему, тут искусство – решал, на какой звук нажать кнопку, запустить станцию – а на какой не нажимать.

– Нашо-о-ол! – кричит на подбеге кто же? наш "сын полка", 14-летний Митька Петрыкин, подобранный от начисто разорённого войной Новосила – когда-то уездного, сейчас холмового белокаменного немого стража у слияния Неручи с Зушей. – Тащ старш... лет... по-о-огреб! Хороший!

Мы с Ботневым быстро шагаем туда. Как строят здесь – не под домом, а отдельно, с кирпичным обвершьем, дальше дюжина ступенек вниз. Но погреб не прохладный, душный: надышали за ночь-другую-третью ночлежники – хозяева ли, соседи –

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru прячутся тут и вещей же наташили. Зато арочный кирпичный свод – лучше некуда.

Так нам странно и так радостно видеть живых русских крестьян, около домов – огороды живые, а в поле – хлеба. По советскую сторону фронта все жители, из недоверия, высланы на глубину километров двадцать, третий год ни живой души, ни посева, все поля заросли дикими травами, как в половецкие века.

(Но ты – обеспокоенную, обезлюженную – ещё щемливее любишь. Приходит отчетливо: вот за это-то Среднерусье не жалко и умереть. Особенно – после болот Северо-Западного.)

А по немецкую сторону едва мы шагнули и видим: живут!

В погребе смотрят на нас с опаской. Нет, не выгоняем, свои:

– Придётся, друзья, придётся потесниться вам поглубже. А спереди – мы тут займём.

Бабы – мужиков нет, старик древний, ребятня – мягко охают: куды подвигаться? Но лица все такие родные. И рады, что не гоним вовсе.

– Да щас вам ребята мешки-корзины туда перекинут повыше, один на один. Давай, ребята!

Как ни теснись, а места надо порядочно: и для самого прибора и для четырёх малых столиков складных. Но, кажется, поместимся.

Выбрать место центральной – это был первый подгоняющий вихрь. Теперь второй: скорей спускать станцию в подвал. На это с нами и силы приехали: Дугин и Блохин – два сменных оператора на центральной приборе, и ещё из вычислительного взвода.

Пошёл наверх.

С востока обещательная розовость уже поднялась до вершины неба. И так выявились, до тех пор не видные, редкие перистые облачка.

Но – обещательно же возникает и самолётный гул. Как надоели, проклятые, до чего пригнетают.

А – нет. Нет-нет! Наши летят!

С этой весны – наши всё чаще в небе. И мы распрямляемся. В обороне стояли – ночами, в далёкий бомбовый налёт, с груженым гудом всё чаще плыли большими группами наши дальние бомбардировщики. (И что мы так рады? ведь это – по нашим же русским городам.) Когда по Орлу – то и видели мы за шесть десятков вёрст: пересеченные прожекторные лучи, серебряные разрывы зениток, красные ракеты и молненные вспышки от бомбовых взрывов. А недавно узнали мы и торжествующие волны низкого возврата с ближней операции – илов, штурмовиков, – и "ура" кричали им под крылья, это – прямая нам помощь тут, рядом.

Пролетают наши в высоте. Рассчитано точно, чтоб немцев заслепило: как раз выплывает край солнца.

Вычислительный взвод – слаженно работает, привыкли. Осторожно сняли из кузова центральный прибор, понесли вниз. И – столики за ним, и всё измерительно-чертёжное. А линейщики снаружи у подвала штабеляют проводные катушки с бирками постов: подключаться будем – тут, все линии потянем отсюда. А старшина Корнев, распорядительный хозяин, выбрал для кухни местечко – пониже в кустах, не слишком прикрыто, но одаль от изб: по избяному порядку вполне пройдутся сверху пулемётами. И около ж кустов указал шоферам рыть аппарели для машин – и сам, здоровяк, им помогает: главно – хоть сколько-то принизить моторы в землю. Всё б это нам успеть поскорей.

Хожу, нервничаю, курю. Бессмысленно разворачиваю планшетку и снова, снова смотрю карту, хоть почти на память знаю.

Солнце взошло на полную. Облачка тают.

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru По склону от нас поднимается одна улица Выселок – уже и на ней нарыто свежих густо-чёрных воронок. А за малым овражком направо – плоская вторая улица. Там – батареяка семидесяти-шести развёрнута. Избы – как неживые: кто по погребам, кто в перелески подался. Ни одного дыма.

Ну же, ну же, Овсянников, да не столько же тут ходу.

А ведь идут! – открытой вереницей поднимаются из котловинки. И без бинокля чую, что – наши. Бодро идут, Овсянников ход задаёт. И вот сейчас, приблизятся, будет третий вихрь: каждый звукопост разберёт свою аппаратуру, катушки, свои вещмешки, свой сухой паёк – и за эти считанные минуты Овсянников должен по карте, уже на свою прикидку, уточнить места звукопостов; смеряя силы команд, назначить, кому первый, второй... пятый, и каждому начальнику звукопоста промахнуть отсюда по местности направление, как ему вести, чтоб не сбиться, азимут. А предупредителю – ещё особо. И вот эти десять-пятнадцать минут, пока вся батарея сгущена, – самые опасные. Рассредоточимся, не все шестьдесят в кучке, – будет легче.

Подходят наши, подходят – а дальше как по писаному, заученное. Посты хватко собираются на развёртывание.

С Овсянниковым садимся на поваленный ствол – поточней прикинуть места постов.

Кто-то перебранивается из-за катушек, чужую хорошую утащил, оставил с чиненным проводом.

Лица у всех – невыспатые, примученные. Пилотки на головах сбиты у кого как. Но движенья быстры, всех держит это сознание: мы – не просто в какой-то безымянной местной операции, мы – в Большом Наступлении! Это много сил добавляет.

Линейные привязали концы – и потянули двухпроводные линии.

А от немцев уже летит – благородно хлюпающий крупный снаряд – через головы наши – и ба-бах! Наверно по Сетухе, при большой дороге.

И – первая сегодня "рама", двухфюзеляжный разведчик Фокке-Вульф, высоко, устойчиво завис, погуживает, высматривает, по кому стрелять. Наши зенитки не отзываются, да в "раму" почти бесполезно бить, всегда уклонится.

И – ещё туда, на Сетуху, несколько тяжёлых пролетело.

Пока утро прохладное – нам бы и засекачь. Не вовремя нас передвинули.

На каждом звукопосту – 4-5 человек, а нести – тяжело и много, от одного аккумулятора плечо отсохнет; катушек бывает нужно по восемь, а то и больше десятка; звукоприёмник – не тяжёлый, но трудноохватный куб, и ещё береги его пуще уха, повредишь большую мембрану, а то – осколком просечёт? Ещё трансформатор, телефон, другая мелочь. И автомат, у кого карабин, сапёрные лопатки – всё и тащи. (Противогазов уже давно не носим, все в кузова сбросили.)

Коренастый Бурлов повёл своих на первый, левый; компас у него на руке, как часы, он азимут всегда сверяет, точно идёт. У него в команде – и долговязый, всегда невозмутимый, всепереносный сибиряк Ермолаев, – на крайние посты Овсянников подбирает самых крепких. И Шмаков, как бы полштрафник: в противотанковой не выдержал прямого боя, сбежал, куда глаза, попал на наш порядок. А у нас тоже от дезертиров недостача, комиссар махнул, сказал: "Бери его!" И – верно служит.

Сметливый Шухов (в ефрейторы мы его повысили, вместо сержанта раненого) повёл своих на второй. – Угрюмый чёрный Волков – на пятый, правый, северный, тоже дальний. – А средним звукопостам линия будет покорооче, катушек меньше, у них и людей по-четверо.

С конопатым хмурым Емельяновым советуемся и по карте (когда бывает лишний экземпляр, то – и для него): предупредитель – работа тонкая, почти офицерская, а по штату ему так и ходить старшим сержантом и всегда попереди всех. На каждый нужный звук выстрела ему надо не упустить и полсекунды, и на слух определить калибр. (Потом, кто поближе к разрыву, ещё подправит.)

Оживился передний край – миномётная толчея с обеих сторон. Из наших Выселок

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru семидесяти-шестёрки уже и палат – а мы ещё когда будем готовы. А спрос – не терпит.

У Овсянникова – ноги зудят обогнать крайний пост: важен не только последний выбор ямки для звукоприёмника (а солдаты выбирают, где им легче устроиться, да ближе к воде) – но и ближайшее окружение чтоб не экранировало. (Был случай: шёл дождь, так в сарай занесли, а мы удивляемся, что за чёрт: все записи не резкие?) И – пошагал догонять Бурлова.

Сзади – ещё одна группка пешая к нам. По полосатым шестам, по треножникам видно – топографы. Вот вы – давайте скорей! ЭТ-то нам надо!

Группку привёл командир взвода лейтенант Куклин, милейший мальчишок, и лицо мальчишеское и рост. Мой Ботнев, не намного взрослей, выговаривает ему:

– Вы что долго спите? Без вас наши координаты на глазок, кому годятся?

И правда: нас проверяют придирчиво, и все промахи в целях, в пристрелке на нашу голову. А кто пошагает проверять топографов? – такого не бывало. Ошибутся они в привязке – и будем все цели ставить нетам.

Присел я с Куклиным показать ему, где будут посты. Прошу:

– Юрочка, нет, не торопись. Но сделайте сперва три ближних поста, хоть для первой засечки. И сразу гони нам цифры.

Говорит: видели на ходу наш 3й огневой дивизион, сюда близко перекачивает, ещё не стали.

Куклин повёл свою цепочку к первому ясному ориентиру, от него пойдёт на шуховский. (Ориентир – он с карты снимается, это тоже неточно. А тригонометрической сети в перекатных боях никогда не дохватит.)

Не скажешь, у кого на войне работа хуже. Топографы вроде не воюют – а ходить им с теодолитами, с нивелирами, ленты тянуть по полям – прямо, как ворона летает: не спрашивай, где разминировано, где нет, и в любой момент под обстрел попадёшь.

А – уже нашли нас бригадные связисты. И тянут кабель на центральную, катушечники их поднимаются к нам от запруженного ручья.

Да кто – нашли? Не от огневых дивизионов, с которыми работать, те сами в переходе. Тянут – от штаба бригады, конечно, – и вот-вот оттуда начнут требовать целей.

Да только б и засекают нам с утра, пока воздух не разогрелся. Уже и долбачат немцы: вот один оружейный выстрел, там – налёт, снарядов с десятков, так мы ещё не развёрнуты. А дневная работа будет сегодня плохая: станет зной, уже видно, и создастся тепловая инверсия: верхние воздушные слои разредаются от нагрева, и звуковые сигналы будут не загигаться вниз, к земле, а уходить вверх. Да это и на простой слух: снаряды, вот, падают, а сами выстрелы всё слабее слышны. Для звукометристов золотое время – сырость, туман, и всегда ночь напролёт. Тогда записи исключительно чёткие, и цели – звонкие ли пушечные, глухие гаубичные – тут же и пойманы.

Но начальство никак этого закона не усвоит. Были б с умом – передвигали б нас днями, а не ночами.

Мы, инструментальный разведдивизион, – отдельная часть, но всегда оперативно подчиняют нас тяжёлой артиллерии, сейчас вот – пушечной бригаде. Сегодня нам будет парко: сразу два их дивизиона обслуживать: 2й – правой, к Желябуге, 3й – левой, к Шишкову.

У Ботнева в погребе уже втеснились: включили, проверили. Большой камертон позуживает в постоянном дрожании лапок. Чуть подрагивают стрелки на приборах. Все шесть капиллярных стеклянных пёрышек, охваченные колечками электромагнитов, готовы подать чернильную запись на ленту. У прибора сейчас худощавый, поворотливый Дугин. (Он – руковитый: каждую свободную минуту что-нибудь мастерит – кому наборный мундштук, кому портсигар, а мне придумал: из звукометрической

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
ленты шить аккуратные блокноты, для военного дневника.)

Сбок прибора на прискамейке уткнулся телефонист, разбитной Енько. На каждом ухе висит у него по трубке, схвачены шнурком через макушку. В одну трубку – предупредитель, в другую – все звукопосты сразу, все друг друга слышат, и когда сильно загалдят – центральный их осаживает, но и сам же до всех вестей падох: где там что происходит, у кого ведро осколком перевернуло.

А сразу за прибором – столик дешифровщика. За ним вплотную, еле сесть, столик снятия отсчётов. А к другой стене – столик вычислителя и планшет на наклонных козлах. В подвальном сумраке – три 12-вольтовых лампочки, одна свисла над ватманом, расчерченным поквдратно. Готовы.

Федя Ботнев в военном деле не лих, не дерзок – да ему, по измерительно-вычислительному взводу, и не надо. А – придирчиво аккуратен, зорок к деталям, как раз к месту. (Да даже к каждой соседней части, к технике их любознателен, при случае ходит приглядывается. Кончил он индустриальный техникум.) Любит и сам стать за планшеты, прогнать засекающие директрисы.

Но весь ход каждого поиска зависит от дешифровщика. У нас – Липский, инженер-технолог, продвинули мы и его в сержанты. Когда в работе не спешка его единственного в батарее зову по имени-отчеству. (С высшим образованием у меня в батарее и ещё есть – Пугач, юрист. Очень убедительный юрист, всегда лазейку найдёт, как ему полегче. Не во всякий наряд его и пошлешь: то "помогает политруку", то "боевой листок выпускает".)

В глубине погреба бормочут глухо:

– Ну, стуковня! Ну, громовня...

– Да как бы мне пойтить глянуть: брадено у меня чего, аль не брадено? Один таз малированный остался, чего стоит.

– Всего имения, Арефьевна, не заберёшь. Уютюкают напрямь – смотри и избы не найдешь.

– Ну, дай Бог обойдется.

А снаружи – разгорается, уже в светло-жёлтом тоне, солнечный, знойный день. И те крохотные облачка растянуло, чистое-чистое небо. Ну, будет сегодня сверху.

У Исакова в кустах кухня уже курится.

Шофера усиленно кончают вкопку своих машин, помогают им по свободному бойцу. Ляхов – высокий, флегматичный, никогда и виду не подаст, что устал, не устал. А маленький толстенький Пашанин, нижегородец, разделся до пояса, и всё равно мохнатая грудь и спина потные, лоб отирает запястьем. Имел он неосторожность рассказать в батарее о горе своём: как бросила его любимая жена, актриса оперетты, – и стал он общий предмет сочувствия, однако и посмеиваются.

Ещё ж у меня Кочегаров околачивается, политрук батареи, а в напряжённый момент, когда все в разгоне, – ну не к чему его пристроить, и работать не заставишь. Сам-то был на гражданке шофёр, да только – райкома партии, и теперь взять лопату на помощь Пашанину – не догадается.

Первый звонок – с третьего поста, ближнего: дотянули, подключились, вкапываемся. На них и аппарат сразу проверили: хлопайте там (перед мембраной). Так. И выстрелы пишет. Порядок.

Но когда над одним постом пролетит самолёт – то уж, с захватом, испортит запись трёх постов.

От погреба расходящиеся веером линии – вкапывают линейные, каждый свою. На полсотню метров, чтобы в сгущеньи ногами не путаться – и чтоб хоть тут-то оберечь от осколков.

А уж – летят!! Летит шестёрка Хеншелей. Сперва высоко, потом снижают круг левее нас. Хлоп, хлоп по ним зенитки. Мимо. Отбомбились, ушли.

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

Наши тут несколько квадратных километров вдоль передовой густо уставлены: миномётами лёгкими и тяжёлыми, пушками сорокапятками и семидесяти-шести, гаубицами ста-семи, всякими машинами полуврытыми, замаскированными – бей хоть и по площади, не ошибёшься.

Меж тем в погребе ещё три места надо найти – для телефониста бригадного и от двух дивизионов. От поваленной липы отмахнули наши пилой – без двуручной пилы не ездим – три чурбачка, откатали их туда, вниз.

Ляхов – ввёл свой приопустевший ЗИС в апарель.

И пашанинский ГАЗ спустили. Ну, теперь полегче.

Со второго поста Шухов докладывает, чуть пришипячивая: дошли!

И их проверили. Порядок.

Доходят-то они все приблизительно, и ещё любят сдвинуться, себе поудобней. Но пока Овсянников не проверит – копать им, может, и зря.

Из погреба крик:

– Тащ комбат, вызывают!

Ломай быстро ноги по кирпичным ступенькам.

Так и есть, бригада: сорок второй, ждём целей!

Отбиваюсь: да дайте ж развернуться, привязаться, вы – люди?

А – доспать бы, клонит. Смотрю на ребят в погребе – и они бы.

– Ну, пока нет работы – клади головы на столы!

И приглашать не надо – тут же кладут. Это последний льготный получасик.

Солнце поднимается – жары набирает.

Подключился и четвёртый пост, и предупредитель. На трёх постах уже можно грубо прикидывать – хоть из какого квадрата бьёт.

От начала работы у центральной дежурят двое линейных: бежать по линии, какую перебьют – сращивать. А от каждого поста – бегут навстречу, так что на один перебив два человека, никогда не знаешь, ближе куда. Починка линий всего и опасней: ты открыт и в рост, как ни гнись, а при налёте – шлёпайся к земле. Когда огневого налёта в зримости нет – дежурный линейный и сам бежит, дело знает. А при горючей крайности – кто-то должен решить и послать. Если Овсянников здесь – то он, а нет – так я. Но по смыслу работы – и без офицеров, сержант от центрального прибора сам гонит, он отвечает: не хватит звукопостов, не засечём – может быть больше урона. А каждый такой гон может стоить линейному жизни, уже потеряли мы так Климанского. А как раз когда порывы, когда снаряды летят – тогда-то и засечка нужна.

Сейчас – Андреяшин, вот, дежурит. Сел на землю, спиной об кирпичную арку. Проворный смугленьш, невысокий, уши маленькие. Только-только взятый, с 25го года. Я прохожу – вскочил.

– Сиди, не навстаёшься!

Но, уже вставши, сверкает тёмными просящими глазами:

– Тащ старштенант! А вы меня в Орле часа на три отпустите?

Он – из Орла. Рос беспризорником, а какой старательный в деле. Хоть бессемейный, а есть же и ему в Орле кого повидать, поискать.

– Ещё, Ваня, до Орла добраться. Погоди.

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

- А - когда дойдём? Я - нагоню, нагоню вас, не сомневайтесь!
- Отпущу, ладно. Да может - и надолго. Неужели ж мы в Орле не постоим?
- И бурловский! - из погреба кричат навстречу мне.

Крайний левый! Теперь мы - в комплекте.

Дугин руки потирает:

- О то розвага! Ве-се-ло!

Отдаётся ему из глубины:

- Хорошая у вас весельба.

Ну, теперь не пропадём, засекаем. Привязку бы. (до привязки посты на планшете поставлены пока грубо, как наметили их по карте.)

На передовой - толчёный гуд перестрельной свалки. Но - всплесками. И если артиллерийский выстрел попадает в промежуток - то мы его берём.

У Исакова - каша готова. Побежала посменно центральная с котелками.

А в воздухе - зачастили, закрылили и наши, и немцы - но наших больше! Схватки не видно, те и другие клюют по передовым. Там - большая стычка, и по земле взрывы отдаются, вот и засекай.

Емельянов с предупредителя:

- Пока сидим с пехотой, своего не отрыли, не дают. И покрывать нечем. Пташинского - как не поцарапало? - пуля погон сорвала.

Пташинский, его сменщик на предупредителе, - ясный юноша, светлоокий, очень отчётливый в бою.

Всё-таки две цели мы пока нащупали, уже и пятью постами - 415ю и 416ю. Наша задача - координаты; калибр - это уж по ушному навыку, да и по дальности можно догадаться.

Из бригады донимают:

- Вот сейчас по Архангельскому - (это там со штабом рядом) - какая стреляла?
- От Золотарёва-третьего, 415я.
- Давайте координаты!
- Без привязки - пока не точно...

Отвечают матом.

Дошагал Овсянников с постов, километров десять круганул. Пошли с ним хватнуть горячего. Сели на лежачую липу.

Простодушного Овсянникова, да с его владимирским говорком, - люблю братски. Курсы при училище проходили вместе, но сдружились, когда в одну батарею попали. На Северо-Западном, в последний час перед ледоходом на Ловати, он сильно выручил батарею, переправил без облома. Или тот хутор Гримовский нас скрестил - весь выжженный, одни печные трубы стоят, и немцами с колокольни насквозь просматривается. Центральная вот так же в погребе, а мы с ним сидим на земле, ноги в щель, между нами - котелок общий. Так пока этот суп с тушёной дохлебали - трижды в щель прыгивали от обстрела, а котелок наверху оставался. Вылезем - и опять ложками таскаем.

Тут-то, за нашим склоном, Желябугские Выселки немцу прямо не видны, только с воздуха. Кручу махорочную цыгарку, а Виктор и вообще не курит. Рассказывает, как

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru и где посты поправил. Кого, по пути идучи, видел, где какие части стоят. В Моховом у немцев виден сильный пожар, что-то наши подожгли.

- Натя-агивают. Будем дальше толкать, не задержимся.

Не докурил я, как слева, от главной сюда дороги - колыхаются к нам, переваливаются на ухабинках - много их! Да это - "катюши"!

Восемь машин полнозаряженных, дивизион, они иначе не ездят. Сюда, сюда. Не наугад - высмотрел им кто-то площадку заранее. И становятся все восьмеро в ряд, и жерла - поднимаются на немцев. От нас - двадцать метров, в такой близости и мы их в стрельбе не видели. Но знаем: точно сзади стоять нельзя, вбок подались. И своим - рукой отмахиваю, предупреждаю, все вылезли лупиться.

Залп! Начинается с крайней - но быстро переходит по строю, по строю, и ещё первая не кончила - стреляет и восьмая! Да "стреляют" - не то слово. Непрерывный, змееподобный! - нет, горынычеподобный оглушающий шип. Назад от каждой - огненные косые столбы, уходят в землю, выжигая нацело, что растёт, и воздух, и почву, - а вперёд и вверх полетели десятками, ещё тут, вблизи, зримые мины - а дальше их не различишь, пока огненными опахалами не разольются по немецким окопам. Ах, силища! Ах, чудища! (В погребке от катюшиного шипа бабы замерли насмерть.)

А крайняя машина едва отстрелялась - поворачивает на отъезд. И вторая. И третья... И все восемь уехали так же стремительно, как появились, и только ещё видим, как переколыхиваются по ухабам дороги их освобождённые наводящие рельсы.

- Ну, щас сюда по нам жарнёт! - кто-то из наших.

Да и не жарнёт. Знают же немцы, что "катюши" мигом уезжают.

Идём с Овсянниковым досиживать на липе.

Чуть передых - мысли лезут пошире.

- Да! - мечтаю. - Вот рванём ещё, рванём - и какая ж пружина отдаст в Европе, сжатая, а? После такой войны не может не быть революции, а?.. Это прямо из Ленина. И война так называемая отечественная - да превратится в войну революционную?

Овсянников смотрит мирно. Помалкивает. С тех пор, как он нашёл у немцев бензиновый порошок, - уже не верит, как пишут в газетах, что немцы вот-вот без горючего остановятся. А беспокоит у него - о предупредителе:

- Им там - головы не высунуть, не то что кипятку. - Окает: - Плохо им там. Посмотримте по карте: на сколько я могу перенести их вбок? назад? Я их быстро перетяну, даже без отключки.

Померили циркулем. Метров на триста-четыреста можно.

Пошёл - шагастый, неутомимый.

А Митька Петрыкин, вижу, ладит, как бы ему в пруду искупаться. Зовёт свободных вычислителей, те щели роют.

А вот и притянули к нам: справа - от 2го дивизиона, слева - от 3го. Вкапывают свою подводку и они. Наша центральная станция, по проводам, - как важный штаб, во все стороны лучами. В погреб втиснулись теперь и они все трое, на чурбачки, а телефоны уж на коленях.

И сразу - меня к телефону. Из 3го, комбат 8й Толочков. Нравится он мне здорово. Ростом невысок, отчаянный, и работе отдаётся сноровисто, всё забывает. Хорошо с ним стрелять.

- Цели, цели давай! Скучаю.

- Ну подожди, скоро будут. Ждём привязки. Вот 418ю щупаем.

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Без звуковой разведки – артиллерийскую цель и найдёшь редко: только в притёмке, по вспышке, прямым наблюдением – и если позиция орудия открытая.

И из 2го дивизиона – сразу же мне трубку. По голосу слышу – сам комдив, майор Боев.

- Саша, у нас серьёзная работа сегодня, не подведи.
- Сейчас продиктуем несколько, но пока без привязки.
- Всё равно давай. А вот что: вечером приходи ко мне в домик.

В штаб дивизиона, значит.

- А что?
- Там увидишь.

Я, было, наружу – а сюда, по ступенькам Юра Куклин почти бегом. И суёт мне лист – со всеми нашими координатами.

- Если постоите – ещё уточним.
- Спасибо, ладно. – И сразу передаю планшетисту Накапкину.

Он тут же набирает измерителем с точностью до метра по металлической косоразлинованной угломерной линейке – и на планшете с крупной голубой километровой сеткой откладывает икс и игрек для каждого звукопоста, исправляет прежние временные.

Теперь – заново соединяет точки постов прямыми, заново перпендикуляры к ним, а от них заново – ведёт лучи на цели. Начиная с 415й все цели теперь пошли на новую откладку.

По ленте центрального прибора для каждого звукоприёмника течёт своя чернильная прямая. Там, на посту, колыханье мембраны отдаётся здесь, на ленте, вздрогами записи. По разнице соответственных вздрогов у соседних приёмников и рассчитывается направление луча на планшете. И в идеальных условиях, как ночью и в холодную сырость, эти три-четыре луча все сходятся в одну точку: то и есть – место вражеского орудия, диктуй его на наши огневые!

Но когда много звуковых помех да ещё эта, от зноя, отгибающая звук инверсия – то всё звуковое колебание расплывчато, искажено или слабо выражено, момент вздрога нечёткий, откуда считать? А не так угадаешь отсчёты – не так пойдут и лучи на планшете. И желанной точки – нету, растянулась в длинный треугольник. Ищи-свищи.

Кажется, так и сейчас. Ботнев нависает над Накапкиным, хмурится.

С Ботневым – тоже у нас немало за плечами. Шли, как обычно, на двух машинах. К назначенному месту не проехать иначе, как по этому просёлку на Белоусово. Но стоп: воткнут у дороги шестик с надписью: "Возможны мины". Да блекло и написано как-то. А на боковые дороги переезжать – далеко отводят, даже прочь. Э-э-эх, была не была, русский авось. На полutorке Пашанина – рву вперёд! Ногами давишь в пол – как бы удержать, чтоб мина не взметнулась, глазами сверлишь дорогу вперёд: вот не под этой кочкой? вот не в этой разрыхлёнке? Прокатили метров триста – слышим сзади взрыв. Остановились, выскочили, противотанковая пешему не опасна, смотрим назад: у ляховской машины сорвало правое колесо, крыло, но остальное цело, и Ляхов, и в кузове бойцы только Ботнев, с его стороны взорвалось, – тоже цел, но куда-то бежит, бежит по холмику вверх. И там очнулся в одичалом непонимании, полуконтуженный. (Но первая машина и дальше прошла, достигла места; остальное, что надо, донесли на руках.)

Не-ет, треугольник порядочный. Где-то, где-то там 415я, а не даётся. А она явно – ста-пятидесяти, и не одиночное орудие. И – дальше надо ловить, но и из записей, взятых, суметь же высосать. Утыкаюсь в ленты 415й.

По размытым началам – отсчётов не взять, но искать какой другой – пичок, изгиб? – и взять отсчёты по ним?

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

На местных тут, в подвале, мы даже не смотрим, иногда прикрикнем, чтоб не галдели. А вот мальчишка, лет десяти, опять к ступенькам пробирается.

- Ты куда?

- Смотреть. - Лицо решительное.

- А огневой налёт, знаешь такой? Не успеешь оглянуться - осколком тебя продырявит. В каком ты классе?

- Ни в каком, - втянул воздух носом.

- А почему?

Война - нечего и объяснять, пустой вопрос. Но мальчик хмуро объясняет:

- Когда немцы пришли - я все свои учебники в землю закопал. - Отчаянное лицо. - И не хочу при них учиться.

И видно: как ненавидит их.

- И все два года так?

Шморгнул:

- Теперь выкопаю.

Чуть отвернулись от него - а он по полу, на четвереньках, под столиком вычислителя пролез - и выскочил в свою деревню.

Меня - к телефону. Помощник начальника штаба бригады нетерпеливо:

- Какая цель от Золотарёва бьёт, дайте цель!

Да я же её и ищу, дайте подумать. Мне бы легче - ткнуть иглой в планшет, они десяток снарядов сбросят и успокоятся. А при новом обстреле сказать - это, мол, новая цель. Но не буду ж я так.

Который раз объясняю ему про помехи, про самолёты, про инверсию. Потерпите, работаем.

А меня - к другому телефону. Из 3го дивизиона, начальник штаба. Тот же вопрос и с тем же нетерпением.

Этого, капитана Лавриненку, я хорошо узнал. Хитрый хохол. Один раз зовёт пристреливать: кладём первый снаряд, корректируйте. - Сообщаю им разрыв: теперь надо левой двести метров и дальше полтора ста. - Кладём второй, засекайте. - Нету разрыва. - Как может быть нету? мы выстрелили. - Ах, вон что: записали мы разрыв, но на полкилометра правей. Куда ж это? Вы там пьяные, что ли? - Ворчит: - Да, тут ошиблись немножко, ну засекайте дальше. - И с одного же раза не поверил. Другой раз скрытно дал связь и к 1й звукобатарее, моя 2я, и обеим сепаратно: засекайте пристрелку! И - опять же сошлось у двух батарей. Теперь-то верит. Но вот теревит: когда ж координаты?

Да, кладёт тяжёлая, ста-пятидесяти, разрывы левее нас, между штабом бригады и штабом 3го - она и есть, наверно, 415я, но такой бой гудит, и по переднему краю и от двух артиллерий - не возмёшь: при каждой засечке цель на планшете ускользает куда-то, треугольник расплывается по-новому.

То и дело предупредитель запускает ленту. Одной неудачной сброшенной ленты ворох покрыл Дугину все ноги по колена. Уже большую катушку сменили.

А надо - кому-то поспать в черёд. Федя, иди в избу, поспи. А я пока буду здесь, догрызать 415ю.

Енько с двумя трубками на голове, а балагур. Доглядел: там, глубже, какая ж девушка прелестная сидит.

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

- А тебя, красуля, как звать?

Кудряшки светлые с одного боку на лоб. И живоглазка:

- Искитея.

- Это почему ж такое?

Старуха с ней рядом:

- Какое батюшка дал. А мы её - Искоркой.

- И сколько ж тебе?

- Двадцать, - с задором.

- И не замужем??

- Война-а, - старуха отклоняет за молодую. - Какое замужество.

Енько - чуть из трубки не пропустил, одну с уха отцепляет мне:

- лейтенант Овсянников.

Сообщает Виктор с предупредителя. Ползком пришлось. Перетащил их назад немного. Тут два камня изрядных, за ними траншейку роем. Но всё равно горячее место.

- А вообще?

- А вообще: справа на Подмаслово, наши танки два раза ходили. Вклинились, но пока стоят. По ним сильно лупят.

- Ну ладно, хватит с тебя. Возвращайся, да отдохни. Ещё ночь какая будет.

- Нет, ещё с ними побуду.

Всё-таки, других целей мал-помалу набирается. Прямо чтобы в точку - ни одной. Но по каким треугольникам небольшой - колем в его центр тяжести и диктуем координаты обоим дивизионам. А 415ю - каждый раз по-новому разносит, не даётся.

А эта Искорка - тоже непоседа, пробирается на выход. Платье в поясе узко перехвачено, а выше, ниже - в полноте.

- Ты - куда?

- А посмотреть, чего там у нас разобрато. Всё хозяйство порушат.

- Да кто ж это?

- Ну да! И ваши кур лавят, - глазами стреляет.

- А где ваша изба?

Лёгкой рукой взмахнула, как в танце:

- А по этому порядку крайняя, к лозинам.

- Так это далеко, - удерживаю за локоть.

- А чего ж делать?

- Ну, берегись. Если подлетает - сразу наземь грохайся. Ещё придупроверю, цела ты там?

Порх, порх, вертляночка, по ступенькам - убежала.

Изводим ленту. Слитный гул в небе, наших и ваших. Ах, рычаг, извививают, на

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
воздушных изворотах, кому достанется. И ещё друг по другу из пулемётов.

Сверху, от входа, истошно:

- Где ваш комбат?

И наш дежурный линейный - сюда, в лестницу:

- Товарищ старший лейтенант! Вас спрашивают.

Поднимаюсь.

Стоит по-штабному чистенький сержант, автомат с плеча дулом вниз, а проворный, и впопыхах:

- Тащ стартенан! Вас - комбриг вызывает! Срочно!

- Где? Куда?

- Срочно! Бежимте, доведу!

И что ж? Бежим. Вприпуск. Пистолет шлёпает по бедру, придерживаю.

Через все ухабы отводка просёлочной к Выселкам. Во-он виллис-козёл стоит на открытой дороге. Подъехать не мог? Или он это мне в проучку? Бежим.

Подбегаем. Сидит жгуче-чёрный полковник Айруметов.

Докладываюсь, рука к виску.

Испепеляя меня чёрным взором:

- Командир батареи! За такую работу отправлю в штрафной батальон!!

Так и обжёг. За что?.. А и - отправит, у нас это быстро.

Руки по швам, бормочу про атмосферную инверсию. (Да никогда им не принять! - и зачем им что понимать?) А на постороннюю стрельбу вздорно и сослаться: боевой работе - и никогда не миновать всех шумов.

Слегка отпустил от грозности и усмехнулся:

- А бриться - надо, старший лейтенант, даже и в бою.

Ещё б чего сказал? но откуда ни возьмись - вывернулись вверх леска два одномоторных Юнкерса. И как им не увидеть одинокий виллис на дороге, а значит - начальство? Да! Закрутил, пошёл на пикировку!

А тот связной - уже в козле сзади. А зоркий шофер, не дожидаясь комбригова решения - раз-во-рот! раз-во-рот!

Так и не договорил полковник.

А первый Юнкерс - уже в пике. И, всегда у него: передние колёса - как когти, на тебя выпущенные, бомбу - как из клюва каплю вырывает. (А потом, выходя из пике - как спину изогнёт, аж дрожит от восторга.)

Отпущен? - бегу и я к себе. И - хлоп в углубинку.

Позади - взр-р-ыв!! Оглушение!

Высунулся, изогнулся: виллис у-дул! у-драпал, во взмёте дорожной пыли!

Но - второй? Второй Юнкерс - продолжил начатый круг - и прямо же на меня? Да ведь смекает: у виллиса стоял - тоже не рядовой? Или с досады, в отместку?

Думать некогда, бежать поздно - и смотреть кверху сил нет. Хлопнулся опять в углубину, лицом в землю - чем бы голову прикрыть? хоть кистями рук. Неужели ж -

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru вот здесь?.. вот так случайно и глупо?

Гр-р-ро-охот! И - гарь! Гарью - сильно! И - землёй присыпало.

Цел?? Они-таки часто промахиваются. Шум в голове страшный, дурная голова.

Бежать! бежать, спотыкаясь по чёртовым этим ухабинам. Да ещё - на подъём.

Как бы и Выселки не разбомбили, а у нас тут все линии веером. Да и погреб ли выдержит?

Нет, отвязались Юнкерсы: там, наверху, своя разыгрывается жизнь, гоняются друг за другом, небу становится не до земли.

А от слитного такого гула - и вовсе ничего не запишешь. Иди в штрафбат.

Соседняя батарея семидесяти-шести - снимается из Выселок, перетягивают её вперёд, пожарче.

Ох, и гудит же в голове. Голова - как распухла, налилась. Да и сама же собой: ото всего напряженья этих дней, оттого, что в сутках не 24 часа, а 240.

Но сверх всех бессонниц и растёт в тебе какое-то сверхсильное настроение, шагающее через самого себя, - и даже легкоподвижное, крылатое состояние.

- Михаил Лонгиныч, отдайте мне все ленты по 415й, я сам буду искать, а вы - остальные.

Послал Митьку принести мне мой складной столик, ещё есть, сверхштатный. Поставил его близ погреба, в тенёчек под ракитой.

- Табуретку найди, из какой избы.

Притащил мигом.

Сижу, разбираюсь в лентах. Думаю.

Уставный приём: снимать отсчёты по началу первого вздрога каждого звукопоста. Но когда начала размыты, не исправишь, - научились мы по-разному. Можно сравнивать пики колебаний - первый максимум, второй максимум. Или, напротив, минимум. Или вообще искать по всем пяти колебаниям однохарактерные места, изгибы малые - и снимать отсчёты по этим местам.

Делаю так, делаю этак, - а Митька таскает ленты в погреб, на обработку. Когда треугольник в пересечениях уменьшается - Накапкин зовёт меня смотреть планшет.

Между тем 2й дивизион требует от нас корректировки. Близко справа стали ухать пушки 4й и 5й батареи.

Мы, сколько разбираем, выделяем их разрывы из других шумов и диктуем координаты. Они доворачивают - мы опять проверяем.

С 5й батареей Мягкова всё ж умудрились пристрелять и покрыть 421ю. Звонит с наблюдательного, доволен, говорит: замолчала.

И - какая ж благодарность к прилежному вычислительному взводу.

Белые мягкие руки Липского - на ленте, разложенной вдоль стола.левой придерживает её, правой, с отточенным карандашом, как пикой, метит, метит, куда правильно уколоть, где вертикальной тончайшей палочкой отметить начало вздрога. (А бывает - и фальшивое. Бывает - и полминуты думать некогда, а от этого зависит лучший-худший ход дела.)

Сосредоточенный, с чуть пригорбленными плечами Ушатов прокатывает визир по линейке Чуднова, снимает отсчёт до тысячных долей.

Вычислитель Фенюшкин по таблицам вносит поправки на ветер, на температуру, на влажность (сами ж и измеряем близ станции) - и поправленные цифры передаёт

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru планшетисту.

Планшетист (сменил Накапкина чуткий Кончиц), почти не дыша, эти цифры нащупывает измерителем по рифлёным скосам угломера. И – откладывает угол отсчёта от перпендикуляра каждой базы постов. Сейчас погонит прямые – и увидим, как сойдётся.

И от совестливой точности каждого из них – зависит судьба немецкой пушки или наших кого-то под обстрелом.

(А Накапкин, сменясь, пристроился писать, от приборных чернил, фронтовую самозаклейную "секретку" со страшной боевой сценой, как красноармейцы разят врага, – то ли домой письмо, то ли девочке своей.)

А наши звукопосты пока все целы. Около Волкова была бомбёжка, но пережили, вот уже и вкопаны. Два-три порыва было на линиях, всё срастили.

У сухой погоды своё достоинство: провода наши, в матерчатой одежке, не мокнут. Резина у нас слабая, в сырость – то заземление, то замыкание. А прозванивать линии под стрельбой – ещё хуже морока. Немцы этой беды не знают: у них красно-пластмассовый литой футляр изоляции. Трофейный провод – у нас на вес золота.

Между тем зовёт меня Кончиц: моя 415я даёт неплохое пересечение, близко к точке. Решаюсь. Звоню Толочкову:

– Вася! Вот тебе 415я. Не пристреливай её, лучше этого не поправим, дай по ней налётик сразу, пугани!

Эт-то по-русски! Толочков шлёт огневой налёт, двадцать снарядов сразу, по пять из каждой пушки.

Ну, как теперь? Будем следить.

Тут – сильно, бурно затолкло на нашем склоне. Смотрю: где верхние избы нашей улицы и раскидистые вётлы группкой, куда Искитея побежала, – побочь их, по тому же хребтику – рядом два десятка чёрных фонтанных взметов, кучно кладут! Ста-пяти, наверно. Кто-то там у нас сидит? – нащупали их или сверху высмотрели.

Хотя в небе – наши чаще. Вот от этого спину прямит.

В погреб сошёл, говорят: трясение было изрядное. А то уж среди баб разговор: чего зря сидим? идти добро спасать. Теперь уткнулись.

Но – опять, опять нутряное потрясение земли – это, знать, ещё ближе, чем тот хребтик.

Дугин нервно, отчаянно орёт вверх:

– Второй перебило!.. и третий!! и четвёртый!!

Значит, тут – близко, где линии расходятся. А с постов – все три погонят линейных зря, не знают же.

Меня ж хватает сзади, тянет бригадный телефонист. Почти в ужасе:

– Вас с самого высокого хозяйства требуют!

Ого! Выше бригады – это штаб артиллерии армии. Перенимаю трубку:

– Сорок второй у телефона.

Слышно их неважно, сильно издали, а голос грозный:

– Наши танки остановлены в квадрате 74-41!

Левой рукой судорожно распахиваю планшетку на колене, ищу глазами: ну да, у Подмаслова.

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

- ...От козинки бьёт фугасными, ста-пятидесяти-миллиметровыми... Почему не даёте?

Что я могу сказать? Выше прысала и козёл не скачет. Стараемся! (Опять объяснять про инверсию? уж в верхнем-то штабе учёном должны понимать.)

Отвечаю, плету как могу.

Близко к нам опять - разрыв! разрыв!

И сверху крик:

- Андрея-а-шина!!

А в трубку (левое ухо затыкаю, чтоб лучше слышать):

- Так вот, сорок второй. Мы продвинемся и пошлём комиссию проверить немецкие огневые. И если окажутся не там - будете отвечать уголовно. У меня всё.

У кого - "у меня"? Не назвался. Ну, не сам же командующий артиллерией? Однако в горле пересохло.

За это время - тут большая суматоха, кричат, вниз-вверх бегут.

Отдал трубку, поправляю распахнутую обвислую планшетку, не могу понять: так - что тут?

Енько и Дугин в один голос:

- Андреяшина ранило!

Бегу по ступенькам. Вижу: по склону уже побежали наверх Комяга и Лундышев, с плащпалаткой. И за ними, как прихрамывая, не шибко охотно, санинструктор Чернейкин, с сумкой.

А там, метров сто пятьдесят - да, лежит. Не движется.

А сейчас туда - повторный налёт? и этих трёх прихватит.

Кричу:

- Пашанина ищите! Готовить машину!

Счёт на секунды: ну, не ударьте! не ударьте! Нет, пока не бьют, не повторяют.

Дугин, не по уставу, выскочил от прибора, косоватое лицо, руки развёл:

- Тащ стартенант! Тильки два крайних поста осталось, нэчого нэ можем!

Добежали. Склонились там, над Андреяшиным.

Ну, не ударь! Ну, только не сейчас!

В руках Чернейкина забелело. Бинтует. Лундышев ему помогает, а Комяга расстилает палатку по земле.

Ме-едленно текут секунды.

Пашанин прибежал заспанный, щетина чёрная небритая.

- Выводи машину. На выезд.

А там - втроём перекаладывают на палатку.

Двое понесли сюда.

А Чернейкин, сзади, ещё что-то несёт. Сильно в стороне держит, чтоб не

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
измазаться.

Да - не ногу ли несёт отдельно?..

От колена нога, в ботинке, обмотка оборванная расхлестнулась.

Несут, тяжело ступая.

К ним вподмогу бегут Галкин, Кропачёв.

И Митька за ними: тянет паренька глянуть близко на кровь.

И - тутошний малец за ним же, нечёма.

Про Галкина мне кто-то:

- Да он чуть замешкался. И он бы там был, его линия - тоже.

А Андреяшин, значит, сам вырвался, птицей.

Вот - и отлучился в Орле... Посетил...

Без ноги молодому жить. И отца-матери нет...

Подносят, слышно, как стонет:

- Ребята, поправьте мне ногу правую...

Ту самую.

Обинтовка с ватой еле держит кровь на культе. Чернейкин ещё прикладывает бинта.

Лундышев: - Он и ещё ранен. Вон - пятна на боку, на груди.

Осколками.

Вот и отлучился...

Лицо смуглёныша ещё куда темней, чем всегда.

- Ребята, - просит, - ногу поправьте...

Оторванную...

Неровное, мягкое, болезненное - трудно и поднять ровно. И в кузов трудно.

Капает кровь - на землю, на откинутый задний борт.

- Да и... - киваю на ногу, - её возьмите! Кто знает, врачам понадобится.

Взяли.

- Теперь, Пашанин: и скоро, и мягко!

По тем ухабам как раз.

Да Пашанин деликатный, он повезёт - как себя самого раненого.

И двое в кузове с Андреяшиным.

Закрыли борт - покатила машина.

Хоть и выживет? - ушёл от нас.

А к Орлу его - прямо и идём, прямёхонько в лоб.

Хмуρο расходились.

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Да, вспомнил: уголовно отвечать.

А Дугина – служба томит:

– Тащ старштенант! Так трэба сращивать? Як будэмо?

И линейные – сидят на старте, готовые. Со страхом. Тот же и Галкин, по случайности уцелевший.

А там – по нашим танкам бьют.

Кого беречь? Там – беречь? Здесь – беречь?

– По-до-ждите, – цежу. – Маленько ещё подождём.

И – как чувствовал! Выстрелы почти не слышны, и от шума, и от зноя – а всей толчейей! – полтора десятка ста-пяти-миллиметровых – опять же сюда! где Андреяшина пристигло, и ещё поближе – чёрные взлёты на склоне!

Одну избу – в дым. С другой – крышу срезало.

– Не говорите им там, в подвале.

Вот так бы и накрыли, когда тело брали.

Митька – снизу, от Дугина, ко мне с посланием:

– И предупредитель перебило! – так кричит, будто рад.

Так и тем более, извремением.

Как дедушка мой говорил: "Та хай им грець!" Одно к одному.

За всю армию – не мне отвечать. Да и командующий не ответит. А на мне вот эти шестьдесят голов. Как Овсянников говорит: "Надо нам людей берегти, ой берегти".

Ещё сождём.

Курю бессмысленно, только ещё дурней на душе.

И – какое-то отупение переполняющее, мозг как будто сошёл с рельсов, самого простого не сообразишь.

Прошло минут двадцать, больше налёта нет. Теперь послал Галкина и Кропачёва – чинить. Раз перебиты все сразу – так тут и порывы, при станции, на виду. На боках у них по телефону – прозванивать, проверять.

А к телефонам нижним – меня опять звали.

Комбатам соседним объяснил: посты перебиты.

Толочков считает: 415ю подавили, не проявляется.

А налёта – так больше и нет. Починили. Где и кровь Андреяшина.

Вернулись. Ну, молодцы ребята.

Только звуки немецких орудий – всё те ж нечёткие. Шпарит солнце – сил нет. Облака кучевые появились, но – не стянутся они.

Ботнев сменил меня на центральной.

Вернулся Овсянников. Умучился до поту, гимнастёрка в тёмных, мокрых пятнах. Про Андреяшина уже по проводу знал. На возврате и он попал под налёт. Перележал на ровнинке, ничем не загородишься. Предупредителю, хоть и за камнями теперь, – тяжело, головы не высунешь.

И у самого – пилотку потную снял – голова взвихрена, клоки неулёжные, дыбятся. А

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
порядливо так рассказывает обо всём, с володимирским своим оканьем.

- Иди, Витя, поспи.

Пошёл.

А текут часы – и ото всего стука, грюка, от ералаша, дёрганий твоё сверхсильное напряжение начинает погружаться в тупость. Какой-то нагар души, распухшая голова – и от бессонницы, и от взрыва не прошло, голову клонит, глаза воспалены. Как будто отдельные части мозга и души – разорвались, сдвинулись и никак не станут на место.

А к ночи надо голову особенно свежую. Теперь пошёл спать и я, в избу. На кровати – грязное лоскутное одеяло, и подушка не чище. И мухи.

Положил голову – и нет меня. Вмертвь.

Долго спал? Солнце перешло сильно на другой бок. Спадает.

Ходом – к станции.

А тут – Пашанин с котелком, после обеда.

Вернулись?

Он – соболезым, траурным голосом, как сам виноват:

- В медсанбате сразу и умер. Изрешеченный весь.

Вот – так.

Так.

Спускаюсь к прибору, о работе узнать.

Все наши – угнетены. Уже другая смена за всеми столами.

И бабы не галдят: покойник в доме.

- На 415ю нет похожей?

Кончиц от планшета: – Нету такой.

За это время, оказывается, наши дважды крупно бомбили немецкий передний край, и особенно – Моховое. А я ничего не слышал.

И порывы были там-сям, бегали чинить.

А Овсянников где?

На правые посты ушёл.

Неутомный.

Что-то и дёргать нас перестали.

Но отупенье – не проходит. Вот так бы не трогали ещё чуть, в себе уравновеситься. И до темноты.

И обедать не стал, совсем есть не хочется.

А от Боева звонили, напоминали: в двадцать ноль-ноль ждёт сорок второго.

Вот ещё... Да тут километр с малым, можно и сходить.

Да уже скоро и седьмой час...

Как-то и стрельба вся вялая стала. Все сморились.

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

Не продвигаемся.

И самолётов ни наших, ни их.

Сел под дерево, может запишу что в дневник? От вчерашних цыган - не добавил ни строчки.

А мысли не движутся, завязли. И - сил нет карандашом водить.

За эти четыре дня? Не приспособлен человек столько вместить. В какой день что было? Перемешалось.

Вернулся Овсянников, рядышком на траву опустился.

Помолчали.

Об Андреяшине.

Молчим.

- А когда Романюк себе палец подстрелил, это в какой день было?

- Дурак, думал его так легко спишут. Теперь трибунал.

- Колесниченко хитрей, ещё до наступления загодя сбежал.

- И пока с концами.

Пошли вниз к ручью, обмылись до пояса.

Ну, к вечеру. Солнце заваливает за наши верхние избы, за гребень, скоро и за немцев. наших всех наблюдателей сейчас сплит.

Полвосьмого. Часа через полтора уже начнётся работа настоящая.

А что - полвосьмого? Что-то я должен был в восемь? Ах, Боев звал. Пойти, не пойти? Не начальник он мне, но сосед хороший.

- Ну, Ботнев, дежурь пока. Я - на часок.

А голова ещё дурноватая.

Дорога простая: идти по их проводу. (Только на пересеченьях проводов не сбиться.)

Перенырнул лощинку, на ту возвышенную ровную улицу. В ней - домов с десятков, и уцелели, все снаряды обминули её. И по вечеру, понадеясь, там и здесь мелькают жители, справляют хозяйственные дела, у когоч и животина есть.

А дальше - хлебное поле, картофельное. И склон опять - и в кустах стоит боевская дивизионная штабная машина, ЗИС, с самодельно обшитым, крытым кузовом. Видно, прикатил сюда травной целиной, без дороги.

У машины - комбат Мягков и комиссар дивизиона, стоят курят.

- А комдив здесь?

- Здесь.

- Что это он меня?

- А поднимайся, увидишь.

Да и им пора. По приставной лесенке влезает внутрь, через невысокую фанерную дверцу.

С делового серединного стола, привинченного, сняты планшет, карты, бумаги, всё

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru это где-то по углам. А по столу простелены два полотенца вышитых – под вид скатерти, и стоит белая бутылка неформенная, раскрыты консервы – американские колбасные и наши рыбные, хлеб нарезан, печенье на тарелке. И – стаканы, кружки разномастные.

У Боева на груди слева – два Красных Знамени, редко такое встретишь, справа – Отечественная, Красная Звезда, а медалек разных он не носит. Голова у него какая-то некруглая, как бы чуть стёсанная по бокам, отчего ещё добавляется твёрдости к подбородку и лбу. И – охватистое сильное пожатие, радостно такую и пожать.

– Пришёл, Саша? Хорошо. Тебя ждали.

– А что за праздник? Орла ещё не взяли.

– Да понимаешь, день рождения, тридцать без одного. А этот один – ещё как пройдёт, нельзя откладывать.

Комбат 4й Проценков и ростом пониже, и не похож на Боева, а и похож: такая ж неотгибная крепость и в подбородочной кости и в плечах. Мужлатый. И простота.

Да – кто у нас тут душой не прост? До войны протирался я не среди таких. Спасибо войне, узнал – и принят ими.

А Мягков – совсем иной, ласковый. При Боеве – как сынок.

Тут все фамилии – как вклеены, бывает же.

А комбат бй – за всех остался на наблюдательном.

И душа моя грузнеет устойчиво: тут. Хорошо, что пришёл.

К боковым бортам привинчены две скамьи. На них и спят, а сейчас как раз вшестером садимся – ещё начальник штаба, капитан.

Пилоток не снимая.

Пыльные мы все, кто и от пота не высох.

Боев меня по имени, а я его – "тащ майор", хотя моложе его только на четыре года. Но через эту армейщину не могу переступить, да и не хочу.

– Тащ майор! Если тосты не расписаны – можно мне?

Не когда шёл сюда, а вот – при пожатях, при этом неожиданном застольи на перекладных, и правда, кто куда дойдёт, где будет через год, вот и Андреяшин мечтал, – рассвободилось что-то во мне от целого дня одурения. Никакие мы с Боевым не близкие – а друзья ведь! все мы тут – в содружестве.

– Павел Афанасьевич! Два года войны – счастлив я встречать таких, как вы! Да таких – и не каждый день встретишь.

Я с восхищением смотрю на его постоянную выпямку и в его лицо: откуда такая самозабывчивая железность, когда сама жизнь будто не дорога? Когда всякую минуту вся хватка его – боецкая.

– И как вам такая фамилия выпала? – лучше не припечатать. Вы – как будто вжились в войну. Вы – как будто счастье в ней открыли. И ещё сегодня, вот, вижу, как вы по той колокольне били...

Рядом с тем хутором, где мы с Овсянниковым из-за колокольни голов поднять не могли, так и вижу: под тем же прострелом зажгли, догадальщики, ловкачи, рядок дымовых шашек. Заколыхалась сплошная серая завеса, но не надолго же! выехал Боев сам с одной пушкой на прямую наводку. Оборотистый расчёт, надо ж успеть: из походного положения – в боевое, зарядили, – успеть разведеть верхушку колокольни в первом же расее, и бах! перезарядили, и второй раз бах! Сшиб! И – скорей, скорей опять в походное, трактор цеплять – и уехали. И немцы грянули налётом по тому месту – а опоздали. И – прикончился их наблюдательный.

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

- ...Для вас война - само бытие, будто вы вне боёв и не существуете. Так дожить вам насквозь через всю...

Боев с удивлением слушает, как сам бы о себе того не знал.

Встали. Бряк-бряк стеклянно-железным, чем попало.

И - все занялись, подзажглись.

А водка после такого дня - о-о-ой, берегись!

Какие яркие, мохнатые дни! И - куда всё несётся?

Большое наступление! Да за всю войну у нас таких - на одной руке пересчитать. Крылатое чувство. Доверху мы переполнены, уже через край. А нам ещё подливают.

И опять встаём-чокаемся, конечно же - за Победу!

Мягков: - Когда война кончится - то сердце закатывается, представить.

Ну, и потекла беседа вразнобой, вперевив.

Боев: - Затронули нас, пусть пожалеют. Дадим жару.

Начальник штаба: - Нажарим им пятки.

Комиссар: - Эренбург пишет: немцы с ужасом думают, что ожидает их зимой. Пусть подумают, что ожидает их в августе.

Все с азартом, а - без ненависти, то - газетное.

- Попробуешь с немцами по-немецки, а они переходят на русский. Здорово изучили за два года.

- А вот: поймут ли нас, когда мы вернёмся? Или нас уже никто не поймёт?

- Но и представить, сколько ещё России у них. Чудовищно.

- Почему Второго фронта не открывают, сволочи?

- Потому что - шкуры, за наш счёт отсиживаются.

- Ну всё ж таки в Италии наступают.

Комиссар: - Капиталистическая Америка не хочет быстрого конца войны, прекратятся их барыши.

Я ему вперекос:

- Но что-то и мы слишком отклоняемся. От интернационализма.

Он: - Почему? Роспуск 3го Интернационала - это совершенно правильно.

- Ну, разве как маскировка, тактический ход. - И отклоняю: - Не-нет! Мне больше нельзя, у меня сейчас самая работа начнётся.

Прощенков рассказывает сегодняшний случай из стрельбы. Считает, что 423ю сокрушил: от того места - ни выстрела больше.

- А может она откочевала?

Да, вот ещё про кочующие орудия. Как у немцев - не знаем, а нашему иному прикажут кочевать с орудием - так он, дурья голова, по лени с одного места бьёт и бьёт, пока его не расколпачут.

Да мало ли глупостей? А как стреляют наобум, чтобы только расходом снарядов отчитаться?

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

Бывает...

Проценков: – К вечеру хорошо вкопались. Хоть бы эту ночь не передвигали.

Через оконца кузова уже мало света, зажгли аккумуляторную лампочку под потолком.

– А славная у нас штабная халабуда? – озирается Боев. – Как бы её, старуху, в Германию дотянуть?

Стали перебирать, кто и сам не дотянул. Одного. Второго. Третьего. А четвёртого засудили в штрафбат, там и убили.

Бывал я в компаниях поразвитей – а чище сердцем не бывало. Хорошо мне с ними.

– Да-а-а, и ещё друг друга как вспомним...

Явственно раздался гнусный хрип шестиствольного миномёта.

Завыли мины – и в частобой шести разрывов, в толкотню.

– Ну, спасибо, братцы, и простите. Мне пора.

И правда, снаружи уже сумерки. До темноты дойти, не сбиться.

Линии наши все целы.

Емельянов с предупредителя: – Вот теперь вкопаемся, как надо. Правда, немец ракеты часто бросает.

Они и нам, в Выселки, отсвечивают то красным, то бело-золотистым, долгие.

Шестиствольный записали, но не так чётко, миномёты всегда трудно записывать. А вот пушка была, наверно семидесяти-пяти, одиночный выстрел, цель 428, – сразу хорошо взяли, в точку.

Прибор – в порядке, все стрелки в норме. И ленты новый рулон заправлен. И чернила подлиты в желобочки под капилляры. И смена – выпалась, бодрая. Три маловольтных лампочки освещают всю нашу переднюю часть погреба. Белеют бумаги, посверкивает блестящий металл.

Двое дежурных линейных с телефонами на ремнях, с запасными мотками кабеля, фонариками, кусачками, изоляционной лентой – тоже тут. Вот кому ночью горькая доля: по одному концу придёшь к разрыву, а найдёшь ли второй, оторванный?

А в глубине погреба – темнота, дети спят, бабы тоже располагаются, лиц не видно. Но слышу по голосу – там батарейный мой политрук. Где примостился – не вижу, а разъясняет певуче, смачно:

– ...Да, товарищи, вот и церковь разрешили. Против Бога советская власть ничего не имеет. Теперь дайте только родину освободить.

Недоверчивый голос: – Неуж и до Берлина дотараните?

– А как же? И там всё побьём. И – что немец у нас разрушил, всё восстановим. И засверкает наша страна – лучше прежнего. После войны хоро-ошая жизнь начнётся, товарищи колхозники, какой мы ещё и не видели.

Пошла лента. Это – предупредитель услышал.

А вот и посты: пишут.

И до нас донеслось: закатыстый выстрел. Ну, сейчас поработаем!

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru и вот через 52 года, в мае 1995, пригласили меня в Орёл на празднование 50-летия Победы. Так посчастливилось нам с Витей Овсянниковым, теперь подполковником в отставке, снова пройти и проехать по путям тогдашнего наступления: от Неручи, от Новосила, от нашей высоты 259,0 – и до Орла.

А в Новосиле, совершенно теперь не узнаваемом от того пустынно каменного на обстреливаемой горе, посетили мы и бывшего "сына полка" Дмитрия Фёдоровича Петрыкина – вышел к нам в фетровой шляпе, и фотографировались мы со всей его семьёй, детьми и внуками.

Подземный наш городок на высоте 259,0 – весь теперь запахан, без следов, и не подступишься. А вблизи – лесистый овражек, где была наша кухня, хозяйство, и где убило невезучего Дворецкого (даже не за кашей пришёл, а к санинструктору, с болячкой) – маленьким-маленьким осколочком, но в самое сердце. Тот двухлопастный овражек и лесок очень сохранились – по форме, да и по виду: ежегодная пахота не дала древесной поросли вырваться наружу из овражка.

Но что стало с урочищем Крутой Верх! Был он – версты на три длины, метров на пятьдесят глубины – слегка извилистый, как уверенная в себе река, – и так проходящий по местности, что как раз и давал нам просторный, удобный и от наземных наблюдателей вовсе скрытый подъезд к самой передовой. Так что пешее, конное, тележное движение шло тут и весь день не прячась, а ночами – и грузовики со снарядами, снабжением, а к утру уходили в тыл или врывались носами в откосы оврага, прикрывались зелёными ветками, сетками. Зев Урочища, ещё завернув, выходил прямо к Неручи – тут и был подготовлен, накопился прорыв нашей 63й армии, к 12 июля 1943.

Но как же Крутой Верх изменился за полвека! Где та крутизна? где та глубина? да и та цепкая твёрдость одерневших склонов и дна? Обмелел, оплыл, кажется и полысел, и жёстких контуров нет – не прежнее грозное ущелье. А – он! он, родной! Но уж, конечно, ни следа прежних апарелей, землянок.

А за Неручью, на подъёме, шла тогда немецкая укреплённая полоса – да каково укреплённая! какие непробивные доты, сколько натыкано отдельно врытых бронеклопов. И это, незабываемое: разминированный проход, тотчас после прорыва. Десятки и десятки убитых, наших и тех, наши больше ничком, как лежали, ползли, немцы больше вопрокидь, как защищались или поднялись убежать в позах, искажённых ужасом, обезображенные лица, полуоторванные головы; немецкий пулемётчик в траншее, убитый прямо за пулемётом, так и держится. И местами – там, здесь – ещё груды, груды обожжённого металла: танки, самоходки с красным опалением, как опалается живое.

И блиндажи у них не по-нашему, помнишь? Уж как глубоки! И где-то там, под десятью накатами, – окошечко, а за ним – цветочки посажены, и для того пейзажа вырыт туда ещё и узкий колодец. А в блиндажах – какой-то запах неприятный, как псинный, – оказывается, порошок от насекомых. И – яркие гляцевые цветные журналы раскиданы, каких не бывало у советских, а в журналах – где про доблесть и честь, а где – красавицы. Чужой невиданный мир.

А как, чтоб на день единственный задержать наступление на Орёл, бросили на нас – от зари и до заката – сразу две воздушных армии? Этого не забыть. Ни на минуты не оставалось небо чистым от немецких самолётов: едва уходила одна стайка, отбомбьась, – тем же курсом, на тот же круг, уже загуживала другая. И видим: на участках соседей – то же самое. Непрерывная самолётная мельница – и так весь день насквозь. А где наши? – в тот день ни одного. От волны до волны едва успеваешь лишь чуть перебежать, где там разворачиваться. Всё же я рыскал по Сафонову, куда бы станцию уткнуть. Перемежился в хилой землянке – а там трое связистов только-только открыли коробку американской колбасы, делят и ссорятся. Тоска! Убежал дальше. Через десяток минут возвращаюсь – той землянки уже нет, прямое попадание.

Но то – днями позже. А пока – в таком же джипе-козлике, в каком тогда наезжал на меня комбриг (конструкция за полвека не сильно изменилась), везут нас в Желябугские Выселки. В таком же джипе, но с твёрдой крышей, едут глава районной администрации и глава местной – долг гостеприимства.

Да ни на чём другом в Выселки, наверное бы, и не проехать. Дорога – из одних рытвин, хорошо, что закаменевшие, давно не было дождя. Не едем, а переваливаемся

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
всей машиной с бока на бок, за поручни уцепясь.

Да! вот и склон, так и стоящий в памяти, он-то не изменился. Да наверху, на гребне, и вёты же стоят, как стояли. И там – избы три около них. А сюда, книзу, уличный порядок сильно прорежен: какие избы – ещё война убрала, какие время долгое, новые не построились. Улица – уже не улица, избыными островками, и не дорога: средняя полоса её заросла травой, остались от колеи – как две тропинки рядом.

А направо за ложиной, повыше, вторая улица – тянется сходно с прежней. Но и на ней что-то не видно жизни.

На открытом месте склона, сбочь и от дороги, стоит разбитая телега, на какой уже не поездишь: три колеса, одна оглобля на бок свёрнута, ящик разбит. И колёса обрастают молодой травой.

А центральная станция наша? Вот – тут бы должна быть, тут.

Но – нет кирпичного надземного свода, да и остатков ямы не видно. Все кирпичи забрали куда? а яму засыпали?

Машину мы покинули, администраторы в своей остались, не мешают нам вспоминать.

А внизу – вон, пруд, отметливое место.

Спустились к пруду.

Берег залядел резучей, широколистой травой.

И – чья-то исхудалая лошадь одиноко бродит, без уздечки, как вовсе без хозяина. И кажется: печальная.

Отдельно стоит решётчатый скелет из жердей – под шалаш? И покосился.

Застоялая, как годами недвижимая вода. От соседней яркой майской зелени она кажется синей себя. На воде – бездвижная хворостяная ветка, присыпь листьев – значит, прошлогодних? таких новых ещё нет. Никто тут не купается.

Через ручей – лава из горбыля. И торчат четыре-пять копыльев, руками перехватываться.

А вот – ландыши. Никому не нужные, не замечаемые.

Срываем по кисточке.

Медленно-медленно поднимаемся опять по склону, теперь – дальше, наверх. Мимо той телеги.

Мимо Андреяшина...

Три избы кряду. Одна – беленая, почище. Две других – из таких уже старых, серых брёвен, чем стоят? Изсеревшие корявые дранковые крыши. Можно и за сараюшки принять.

Откуда-то тявкает собачка слабым голосом. Не на нас.

Несколько кур прошло чередой, ищут подкормиться.

Людей – никого.

За теми избами – опять пустырь. На нём отдельно – даже и не сарайчик, наспех собран: стенки обложены неровными кусками шифера, покрыт листом жести а уже покосен, и подпёрт двумя бревёшками. Не поймёшь: для чего, кому такой?

А в небе – какая тишь. Тут, может, и не пролетают никогда, забыт и звук самолётный. И снарядный.

А тогда – гремело-то...

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

На длинной верёвке привязана к колу – корова, пасётся. Испугалась, метнулась в бок от нас.

Подымаемся к самым верхним избам.

А тут, между двумя смежными берёзами, – перекладина прибита, как скамейка, ещё и посредине подпорка-столбик. И на той скамейке мирно сидят две старухи каждая к своей берёзе притулясь, и у каждой – по кривоватой палке, ошкуренной. У обеих на головах – тёплые платки, и одеты в тёплое тёмное.

Сидят они хоть и под деревьями, а на берёзах листочки ещё мелкие, так сквозь редкую зелень – обе в свету, в тепле.

У левой, что в тёмно-сером платке, а сама в бушлате, – на ногах никакая не обувь, а самоделка из войлока или какого тряпья. По-сухому, значит. А обглаженного посоха своего верхний конец обхватила всеми пальцами двух рук и таково держит у щеки.

У обеих старух такие лица забороздлые, врезаны и запали подбородки от щёк, углубились и глаза, как в подъямки, – ни по чему не разобрать, видят они нас или нет. Так и не шевельнулись. Вторая, в цветном платке, тоже посох свой обхватила и так упёрла под подбородок.

– Здравствуйте, бабушки, – бодро заявляем в два голоса.

Нет, не слепые, видели нас на подходе. Не меняя рукоположений, отзываются – мол, здравствуйте.

– Вы тут – давнишние жители?

В тёмном платке отвечает:

– Да сколько живы – всё тут.

– А во время войны, когда наши пришли?

– Ту-та.

– А с какого вы года, мамаша?

Старуха подумала:

– На'б, осьмсыт пятый мне.

– А вы, мамаша?

На той второй платок сильно-сильно излинял: есть блекло-синее поле, есть блекло-розовое. А надет на ней не бушлат, но из чёрного вытертого-перевытертого плюша как бы пальтишко. На ногах – не тряпки, ботинки высокие.

Отняла посошок от подбородка и отпустила мерно:

– С двадцать третьего.

Да неужели? – я чуть не вслух. А говорим: "бабушки, мамаша" – на себя-то забываем глядеть, вроде всё молодые. Исправляюсь:

– Так я на пять лет старше вас.

А лицо её в солнце, и щёки чуть розовеют, нагрелись. В солнце, а не жмурится, оттого ли что глаза внутрь ушли и веки набрякшие.

– Что-то ты поличьем не похож, – шевелит она губами. – Мы и в семьдесят не ходим, а полозим.

От разговора нижние зубы её приоткрываются – а их-то и нет, два жёлтых отдельных торчат.

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

- Да я тоже кой-чего повидал, - говорю.

А вроде - и виноват перед ней.

Губы её, с розовинкой сейчас и они, добро улыбаются:

- Ну дай тебе Господь ещё подальше пожить.

- А как вас зовут?

С пришипётом:

- Искитея.

И сердце во мне - упало:

- А по отчеству?

Хотя при чём тут отчество. Та - и была на пять лет моложе.

- Афанасьевна.

Волнуюсь:

- А ведь мы вас - освобождали. Я вас даже помню. Вот там, внизу, погреб был, вы прятались.

А глаза её - уже в старческом туманце:

- Много вас тут проходило.

Я теряюсь. Странно хочется передать ей что-то же радостное от того времени, хотя что там радостное? только что молодость. Бессмысленно повторяю:

- Помню вас, Искитея Афанасьевна, помню.

Изборождённое лицо её - в солнышке, в разговоре старчески тёплое. И голос:

- А я - и чего надо, забываю.

Воздохнула.

В тёмном платке - та погорше:

- А мы - никому не нужны. Нам бы вот - хлебушка прикупить.

Тишина. Чирикают птички в берёзах. Доброе мягкое солнце.

Искитея, из-под набрякших век, остатком ослабевших глаз - досматривает меня, отчётливо или в мути:

- А вы что к нам пожаловали? Что ль, с каким возвестием?

Та, другая:

- Може, наше прожитбище разберёте?

Мы с Витей переглядываемся. А - что в наших силах?

- Да нет, мы проездом. На старые места посмотреть приехали.

- А тут - и начальство ваше. Может, оно...

В тёмном - подсобралась:

- Иде?

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
- Да тут где-то.

Невдали звонко пропел петух. Петушьё пенье, что б вокруг ни творись, всегда сочно, радостно, обещает жизнь.

Ну, а нам... нам что ж?.. Дальше?

Попрощались - пошли выше, через хребтик.

А сердце - ноет.

- Осталась наша деревня на голях, - окает Витя. - Как и была всю дорогу.

- Да, сейчас для людей не больше добьёшься, чем когда и раньше.

Во все стороны открытое место. Вот и Моховое близко. Да и ближе него теперь позастроено.

А поправей, ко второй улице, - с пяток овец пасётся. Без никого.

Присели на бугорочек. Смотрим туда, вперёд.

- Во-он там предупредитель наш был. Как он уцелел тот день?

- Но ночью потом - здорово засекали. И давили много.

- А утром - опять нас сорвали.

- Суетилось начальство. Здесь бы - больше сделали, зачем к Подмаслову совали?

- В Подмаслово не поедем?

- Да нет, наверно. Времени не остаётся.

Сидим, солнышко с левого плеча греет.

- Помогать им - по одной не вытянешь. Весь распорядок в стране надо чистить.

А - кому? Таких людей - не видно.

Давно не стало их в России.

Давно.

Сидим.

- А какой же я дурак был, Витя. Помнишь - про мировую революцию?.. Ты-то деревню знал. С основы.

Витя - скромный. Его хоть перехвали - не занесётся. И через какие строгости жизнь его ни протаскивала - а он всё тот же, с терпеливой улыбкой.

- Вот там, поправей, отмечали тогда день рождения Боева. Говорил: доживу ли до тридцать - не знаю. А до тридцати одного не дожил.

- Да, прусская ночка - была, - вспоминает Овсянников. - И какоеж безлюдье мёртвое, откуда бы наступленью взяться? Я черезо всё озеро перешёл - и до конца ж никого, ничего. И тут - Шмакова убило.

- Как мы из того Дитрихсдорфа ноги вытянули? Бог помог.

Овсянников - теперь уже с усмешкой:

- А от Адлига, через овраг, по снегу - бегом, кувырком...

Смотрим: слева, в объезд Выселок, по без дороги, - сюда два наших джипа переваливаются.

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Забеспокоились, куда мы делись.

Оба администратора – в белых рубашках и при галстуках. Местный – куда попроще, и куртка на нём поверх костюма дождевая. На районном – галстук голубой, хороший серый костюм в редкую полоску – и ничего сверху. Лицо же широкое, сильно скуластое, с хмурким выражением. Волосы – смоляно-чёрные, жёсткие, густы-перегусты, и с чёрным же блеском на солнце.

Говорим: – Забросили их тут.

Районный: – А что от нас зависит? Пенсии платим. Электричество им подаём. У кого и телевизоры.

А местный – это то, что прежде был "сельсовет" – видно, из здешних поднялся, до сих пор в нём деревенское есть. Долговатый лицом, длинноухий, волосы светлые, а брови рыжие. Добавляет:

– Есть и коровы, у кого. И курочки. И огород у каждой. По силам.

Садимся в джипы и – администраторы впереди – едем по грудкой дороге через саму деревню, по нашему склону вниз.

Но что это? Четыре бабы тут как тут, пришли и стали поперёк дороги заплотом. И деда – с собой привели, для опоры, – щуплого, в кепочке.

И с разных сторон – ещё три старухи с палочками доковыливают. Одна сильно на ногу улегает.

И – ни души помоложе.

Значит, про начальство прознали. И стягиваются.

Ехать – нет пути. Остановились.

Чуть повыше андреяшинского места, шагов на двадцать.

Местный вылез:

– Что? Давно больших начальников не видели?

Перегородили – не проедешь. Уже шесть старух кряду. Не пропустим.

Вылезает и районный. И мы с Витей.

Платки у баб – серые, бурые, один светло-капустный. У какой – к самым глазам надвинут, у какой – лоб открыт, и тогда видно всё шевеленье морщинной кожи. На плечо позади остальных – дородная, крупная баба в красно-буром платке, стойко стала, недвижно.

А дед – позади всех.

И – взялись старухи наперебив:

– Что ж без хлебушка мы?

– Надо ж хлебушка привозить!

– Живём одна проединая кажная...

– Этак ненадалеко нас хватит...

Сельсоветский смущён, да при районном же всё:

– Так. Сперва Андоскин вам возил, от лавки.

В серо-сиреновом платке, безрукавке-душегрейке, из-под неё – кофта голубая яркая:

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
– Так платили ему мало. Как хлеб подорожал, он – за эту цену возить не буду.
Целый день у вас стоять, мол, охотности нет. И бросил.

Сельсоветский: – Правильно.

Голубая кофта: – Нет, неправильно!

Мотнул головой парень:

– Я говорю, что – так было, да. А теперь, на отрезок времени, должен вам хлеб возить – Николай. За молоком практически приезжает – и хлеб привозить.

– Так он тоже завсяко-просто не возит. Сперва молоко сдай – а на той раз хлеб привезу.

В тёмно-сером – наша прежняя, знакомая. Напряглась доглядеть, доуслышать: чего же скажут? выйдут ли решенье какое?

В светло-буром:

– А кто молоко не сдаёт, тому как? Просишь: коля, привези буханочку! А он: у меня зарплата – одна. У меня уже набрато, кому привезти.

В серо-клетчатом, с живостью:

– Мы, выселковские, вдокон пришли. Житьеца не стало, йисть нечего.

В капустном, маленькая:

– Конечно, к нам езде нету...

Сельсоветскому – край оправдываться, скорей:

– А я у него всегда интересуюсь: Николай, ты возишь? Говорит – вожу.

Голубая кофта и подхватила, залоскотала:

– А вы – у нас поинтересовались? Когда-нибудь приехали сюда? Вы, председатель сельсовета, – хоть бы распронаединственный раз... С давних давён никого не было.

И поварчивают другие:

– Повередилось не до возможности...

– О нас и вспомятухи нет...

А бритый дед во втором ряду стоит молча, малосмысленно. То – жевал, а то раздвинул губы, и так со ртом открытым.

Овсянников голову свою лысеющую опустил. Болит его деревенская душа.

– Минуточку, – спешит сельсовет, – а почему вы прямо сразу не сказали, как он возить не стал?

В капустном: – Не посумеем мы сказать.

Искитея: – Опасаемся.

Тут – вступил районный, сильным голосом:

– А я вам говорю: надо говорить. Вот боимся мы сказать Николаю, вот боимся Михал Михалычу, боимся сказать мне, а чего бояться?

Голубая кофта: – Да я б не побоялась, приехала. Да уж я – никуды, ехать. И дед мой тем боле никуды.

А в красно-буром как оперлась на палку левым локтем, согнула, к плечу кулак приложила, глаза совсем закрытые: "Не видать бы мне вас никого..."

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

- А я к вам, вот, разве не приехал? Я спрашивал Михал Михалыча: хлеб возят? Возят, каждый день. Почему же вы не говорили?

В серо-клетчатом, рукой рубя:

- Вот теперь молчанку нашу взорвало!

- Уж как измогаем, сами не знаем.

У нашей той, в тёмно-сером платке, руки причёрнённые, в кожу въелось навек и чёрные ободки вокруг ногтей, - руки сплелись на верху палки, так и стоит. Морщины, морщины - десятками, откуда столько место на лице? Теперь - потухла, устала куда-то мимо, так и застыла.

Районный уже решил:

- Давайте договоримся так. Теперь целую неделю к вам будет ездить Михал Михалыч...

- Да кажедён - по что? Хоть через день ба...

- Да хлебушка хоть раз бы в три дни...

- Я не говорю, чтоб каждый день возил хлеб. Но в течение недели, вот, до праздника Победы, 50 лет, каждый день будет приезжать и проверять, как вы обеспечены.

(Только успевай записывать...)

- ...Мы его избрали здесь, голосовали за него в сельскую администрацию, так пусть он выполняет свой долг как глава местного самоуправления. Пусть хотя бы хлебом обеспечивает. Мы не говорим, чтоб он дома строил, дома - конечно уже нельзя сделать по нашей жизни.

- Дома-а-а... Где-е-е...

- ...А вода - у вас есть. Да вот - хлеб. Чтоб самое необходимое. Он обязан это сделать.

Стоном:

- Да хлебушек бы был - мы бы жили, не крякнули...

- Вся надея и осталась...

- А ржаной хлеб - он убористый...

Оправился и сельсоветский:

- Давайте договоримся так. Не только у вас будет хлеб, но каждую неделю автолавка будет приезжать.

Поразились бабы:

- Ещё и автолавка на неделе? Ну-у-у!..

Тут в серо-клетчатом не зевает:

- А вот и такая есть надоба. Давняя. Пока фронт воевал - мы тут, иные, и на фронт поработать успели...

Искитея: - От августа сорок третьего, как фронт прошёл...

А серо-клетчатая - как помоложе других: веки не набрякшие, глаза открытые, серые, живые. Сыпет бойко, да только зуб в нижнем ряду мелькает единственный:

- Я, например, чуть не три года отработала на военном заводе. Город Муром,

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru Владимирской области. Мы, значит, на кого работали? И праздников не знали, без выходных, без отпусков. Нам тогда что говорили? Ваш труд – будет наша победа, быстрее закончится война и упокоится страна. А почему ж вы нас забыли, которые трудились, а? Теперь даже пенсии меньше какой другой старухи получаем...

Районный пригладил чуб свой смоляной:

– Да, впервые в этом году вспомнили тех, которые работали в тылу. Вот я почти каждый день теперь вручаю юбилейные медали своим матерям. Они – до слёз... Каждый день получают юбилейную медаль и плачут. Говорят, наконец-то нас вспомнили, потому что весь фронт вынесли на своих плечах. Вручную пахали, сеяли, последние носки отдавали солдатам. А если вы действительно трудились, согласно Указа вам нужно или документы найти, что вы трудились, или надо хотя бы двух свидетелей...

– Да вот нас тут двое и есть. Мы друг другу свидетели.

– Ещё третью нужно.

– В Подмаслове есть.

– Если вы до 45го года работали в тылу больше шести месяцев и найдёте документ или свидетельские показания – мы вам обязательно вручим медаль. И согласно медали получите льготы, которые положены.

А сельсоветский-то, оказывается, законы лучше знает. И – к районному, остережённо:

– К сожалению, я вас перебыю. Значит, если только будет какая поправка, а то сейчас в Указе свидетельские показания не берутся во внимание. И если в трудовой книжке нет отметки, то юбилейной медали не дадут. Вот о чём мы подымали всегда...

Районный хмурится, слегка смущён:

– По-моему, поправки должны быть.

Серо-клетчатая – с новым напором:

– Как так?? Мы – военкоматом были мобилизованы и как военные девушки считались. Которы наши девушки уходили с работы – тех военный трибунал судил. Понимаете, какие мы были?

Искитея только кивает, кивает: – Да, да.

Сельсоветский: – Тогда надо делать запрос через военкомат.

Районный: – Да. Составим списки, официально сделаем запрос, пусть поднимают документы сорок третьего года. Такие вопросы очень многие возникают.

Вижу – Овсянникова аж перекошило: слушал-слушал, совсем голову повесил, и одной кистью держится за неё безнадёжно.

А в капустном, маленькая, выступила, пока ей перебоя нет:

– А у меня, вот, есть медаль за военные годы. Конечно, у меня её нет, но документ на неё есть, справный. И – льготы у меня какие, за свет половину плачу. Конечно, неведь какие ещё мне могут быть положены. Поехала в правление, отвечают: колхоз у нас бедный, нету вам. И даже зярно моё осталось неполучённое, председатель машины зярна не пригнал для пенсионеров.

– Льготы? Теперь – всё заложено в районном бюджете. И через районный бюджет обязательно оплотим, кому чего отпускать за пятьдесят процентов. Но, конечно, я не могу каждый день у вас бывать...

– Это мы понимаем... – сразу в три улыбки.

И тут решила Искитея. И тем старчески-мягким, ненастойчивым голосом, как говорила со мной под берёзой:

Желябугские выселки. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

- А вот мой муж был и участник войны. И инвалид. И льготы были. А как умер он - за всё плачу безо льготы.

Подполковник Овсянников востепенулся возмущённо. И, сильно окая:

- Должны быть! Все льготы, которые даны были вашему мужу, и если вы не вышли замуж за другого...

Искитее - самой дивно, губы в слабой улыбке:

- Да где-е...

- ...то все эти льготы сохраняются за вами! И неважно, когда он умер.

- А - восьмой год его нет...

- Ну, - востепенулся районный, посмотрел на часы. - Вопросы, которые касаются вас, наших ветеранов, наших матерей, - я буду лично решать. Если не смогу я - тогда будем выходить на область. А Москвы - мы не затронем, не должны.

1998

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://solzhenitsynalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!